

САРА ПЕННИПАКЕР

ПАКС

ДОРОГА ДОМОЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЖОНА КЛАССЕНА

Сара Пеннипакер
Пакс. Дорога домой
Серия «Пакс», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66848878

ISBN 9785001673712

Аннотация

Год назад Питер навсегда отпустил Пакса, своего любимого ручного лиса. Он решил, что в дикой природе лису будет лучше. Может, и так: у Пакса теперь есть семья и крошечные лисята. Однако чувство вины ни на час не оставляет Питера. Осиротевший и одинокий, он становится волонтером «Воинов Воды» – организации, которая чистит отравленные войной реки. Но когда одному из детёнышей Пакса грозит смертельная опасность, лис приходит за помощью к единственному человеку, которому доверяет...

Сара Пеннипакер – писательница из США, автор двух десятков книг, отмеченных наградами и читательским признанием. История о дружбе мальчика и лиса, «Пакс» (2016), стала мировым бестселлером. А спустя пять лет у истории появилось долгожданное продолжение, такое же пронзительное и глубокое, как и первая книга.

Содержание

1	9
2	12
3	20
4	23
5	29
6	33
7	39
8	43
9	51
10	56
11	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Сара Пеннипакер

Пакс. Дорога домой

*Донне Брей, которая так нежно заботится о
лисах.
С. П.*

Sara Pennypacker
Pax
JOURNEY HOME

ILLUSTRATED BY JON KLASSEN
BALZER + BRAY

An Imprint of Harper Collins Publishers

Text copyright © Sara Pennypacker, 2021

Artwork copyright © Jon Klassen, 2021

This edition published by arrangement with Writers House
LLC and Synopsis Literary Agency.

© Калошина Н., Канищева Е., перевод на русский язык,
2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом
«Самокат», 2022

*Общение лис – сложная система голосовых
и мимических сигналов, запахов и поз.
Набранные курсивом «диалоги» в главах
от Пакса – попытка перевести этот
выразительный лисий язык в слова.*

1

Пакс бежал.

Он бежал всегда. Уже почти год как его бегу не мешала проволочная сетка загородки, а мышцы всё ещё помнили её стальной холодок.

Но этим утром он бежал не как всегда. Этим утром лис бежал, потому что под упругой лесной подстилкой, под кло-чьями снега в глубокой сосновой тени, под каймой льдинок в каждой луже он чувал весну. Новая жизнь взбегала по веткам, по коре, по извилистым ходам внутри земли – и как ещё мог он откликнуться на этот бег жизни? Только бежать.

Внезапно он встал. Кролики.

Игла теперь всё время была голодна.

Прижимая нос к земле, Пакс отыскивал нору, покинутую совсем недавно. В норе лежали два мёртвых крольчонка, один окоченел много дней назад, из второго жизнь ушла только этой ночью.

Опять мёртвые детёныши, третий раз за три дня. Сперва была мышинная норка и в ней – трупики целого выводка полёвок. Но, когда Пакс, выбрав самое свежее тельце, принёс его домой, Игла брезгливо сморщила морду и отвернулась.

Потом ему встретилось бурундучье гнездо, но от мёртвого бурундучонка Игла тоже отказалась. Так что этих крольчат Пакс даже не стал трогать. И, вдруг сильно устав, свернул прямо к Заброшенной Ферме. Они перебрались туда вместе с Иглой и Мелким после того, как Мелкий потерял ногу.

Игла не встречала его, но Пакс знал, что она рядом. По её следу он добежал до старого сарая. Пока его не было, под крыльцом появилась нора – новое логово. Вокруг входа была разбросана свежая земля вперемешку с песком. Пакс пополз внутрь, на запах.

Игла свернулась клубком в самой глубине, ярко-рыжая её шубка была в песке. Она сонно приоткрыла один глаз и, едва взглянув, опять опустила голову на лапы.

Пакс не понял. Утренний воздух уже прогрелся, грозой не пахло. Зато внутри логова запах был странный: такой знакомый, будто его собственный, но не его. И не Иглы – хотя идёт от неё...

Он ткнулся носом в её шею: понюхай воздух. *Новое?*
Да, новое. Мы.

Пакс опять не понял.

Игла перекатилась на спину и выпятила круглый живот.
Щенки. Скоро. Потом опять свернулась на чистом песке.
Пакс лёг и сторожил её дыхание, пока она не уснула.

Пятясь, он выполз из норы, издал короткий тьяв.

А потом побежал. На этот раз лис бежал потому, что если бы не бежал, то взорвался бы.

Сидя на корточках, Питер провёл рукой по корявой половице: подлый горбик тянулся из конца в конец. Вола сказала: доски и так ровные, можно сразу шкурить; но он хотел, чтобы полы, когда она их увидит, были идеальными, а не «и так ровными».

Он ещё закрутил винт, так чтобы лезвие почти не выступало над подошвой и стружка была тонкая, как бумага. Можно, конечно, снимать и побольше древесины за один раз, но, когда проходишь слой за слоем, по чуть-чуть, поверхность получается гораздо чище.

Из всех работ, которым Питер научился, пока строил эту

хижину, больше всего ему нравилось строгать. Рубанок – это не какая-нибудь отвёртка; это настоящий инструмент, в него надо вкладывать всю силу своего тела. Инструмент для мужчины, не для мальчика.

Питер поставил рубанок на конец доски и, налегая всем весом и упираясь правой рукой в рожок, левой повёл нож вперёд – вдоль волокон столетней жёлтой сосны, прежде хранившейся в соседском сарае. Из-под лезвия поползла ровная стружка, пахнуло свежей древесиной. Хорошо, что дерево всегда как будто готово начать жить сначала, и хорошо, что...

Внезапно рубанок ткнулся в сучок. Ладонь соскочила с рожка и проехала по доске.

Питер с размаху сел. Чёрт, содрал кожу в кровь. Когда уже он научится? В дереве бывают гадские сучки, которых не видно, они прячутся под поверхностью, но они есть – он что, не знал? Держа руку перед собой и глядя, как кровь стекает по запястью, он вдруг вспомнил слышанную где-то фразу: *пóтом и кровью*. Эта хижина залита уже ведрами его пота. Ну и вот, один маленький кровавый росчерк тоже не повредит. Питер притиснул ладонь с содранной кожей к половице, и алая кровь язычком пламени начала расплзаться по древесным волокнам. Пятно было похоже на лисий хвост.

Он отдёрнул руку, будто обжёгшись о воспоминание. В прошлом году, возвращаясь к тому месту, где он бросил Пакса – где он вынужден был бросить Пакса, своего ручного ли-

са, – он нарочно ножом порезал себе ногу и кровью нарисовал на ней лиса в прыжке. Получилась клятва на крови: *я вернусь за тобой*.

Питер прижал рану к груди. Какая предательская штука, память. На поверхности ничего не видно, всё внутри, но стоит зазеваться – и она вонзится остриём прямо тебе в сердце.

Он уже научился защищаться от этого острия, придумал один способ. Каждый раз, совершая вот эту самую ошибку – позволяя себе вспоминать Пакса, – он себя за это наказывает. И он начнёт прямо сейчас, не откладывая.

Питер закрыл глаза. Представил день, когда он нашёл на обочине мёртвую лису. Мысленно проделал всё, что делал тогда, шаг за шагом: поднял её, окоченелую, перепачканную в грязи, и пошёл искать, где похоронить; на краю леса под старой каменной стенкой заметил песчаную россыпь, носком ботинка стал ковырять песок – рыть ямку.

Как и всегда на этом месте, в груди уже всё сжалось, но он заставил себя вспоминать дальше. Вот дыра в песке, это вход в лисью нору. Стало больно дышать, но он продолжил вспоминать: в норе три остывших тельца и одно пока ещё тёплое.

Он протягивает руку и достаёт крохотное живое существо – дрожащего лисёнка. Когда он сунул его за пазуху, маленький лис заполнил собой пустоту в груди, о которой Питер даже не подозревал. И дальше начинается само наказание: сейчас он будет вспоминать не то, что он тогда сделал, а что

должен был сделать.

«Ещё чуть-чуть, и он умер бы вместе с остальными, – сказал тогда отец. – Надо было просто помочь ему умереть безболезненно. Вот это было бы правильно».

«Поздно, – яростно крикнул Питер, прижимая лисёнка к себе. – Он остаётся у меня!»

Отец буркнул что-то сердитое. Но Питеру показалось, что в его глазах – может быть, впервые – мелькнуло уважение.

Теперь-то он знает, что отец был прав. Просто прекратить страдания, избавить Пакса от той боли, которую он, Питер, причинит им обоим пять лет спустя, – вот что он должен был сделать.

И он довёл своё наказание до конца. Не стал наклоняться, забирать лисёнка. Вместо этого он мысленно шагнул к стене, расшатал верхний тяжёлый большой камень и скинул его на песок – туда, где вход в нору. И ушёл не оглядываясь.

Так и надо. Уходи. Не оглядывайся.

И не было бы всей этой боли.

Питер повторил всё то же самое ещё дважды. Он где-то читал, что только с третьего раза мозг способен перепрограммироваться.

И наказание работало. Он уже думал о Паксе гораздо реже. А не видел бы постоянно этого енота у Волы на веранде – мог бы, наверное, и по нескольку дней не вспоминать, что когда-то и у него был питомец.

Питер поднялся с пола и убрал рубанок. Кровь из раны

уже не текла, но строгать он какое-то время не будет. Иначе получится лазейка для воспоминаний, она ему сейчас совсем не нужна.

Он откинул кусок брезента, прикрывавшего корыто в углу. В корыте была смесь из глины, золы и сухого мха. Питер плеснул воды и перемешал всё до тестообразного состояния. Потом лопаткой отложил часть теста в ведро, шагнул к северной стене и начал заделывать щели между брёвнами.

Работая, он время от времени позволял себе любоваться своей хижинкой. Он решил, что будет её строить, ещё в сентябре – когда пришёл домой после первого школьного дня, разложил книги на кухонном столе и понял: нет, так не получится. Для одной Воли этот дом идеален, но для двух человек он явно мал. Они поговорили и сошлись на том, что ему тоже нужно место для себя, нужно личное пространство, и тогда Вола помогла ему спроектировать этот небольшой бревенчатый домик на одну комнату, где можно будет спать и делать уроки. Футов десять на двенадцать – встанут только кровать, комод, стол и стул. А больше ничего и не надо: чем проще, тем лучше.

Он сам валил эти деревья, сам отпиливал брёвна нужной длины и делал в них вырезы для крепления. Стропила, балки – всё рубил сам, обшивал крышу дранкой, смолил – тоже сам. А на прошлой неделе он отыскал на свалке три старых окна и дверь – денег, которые дед отправлял ему каждый месяц, как раз хватило, чтобы их выкупить. Завтра после шко-

лы он начнёт их врезать.

Соседи только помогали ему поднимать брёвна, когда он собирал стены, зато всё остальное он делал в одиночку. Вола, конечно, подсказывала, что за чем, но не вмешивалась, даже пальцем не пошевелила. Таков был уговор: он хотел построить всё своими руками, от начала до конца, – и она уважала его решение. Вот это в ней нравилось Питеру.

И тут же, не успел он о ней подумать, Вола появилась на дорожке. Она неловко одёргивала юбку – похоже, ещё не привыкла, что в библиотечные дни ей приходится одеваться по-человечески.

Она шагнула на шлакоблок, который он уложил перед дверью специально для неё – вообще-то она прекрасно управлялась со своим протезом, но с высокими ступеньками всё же не очень ладила, – и постучала в бревенчатую стену. И это тоже Питеру нравилось: она уважает его пространство.

Он быстро раскинул брезент, прикрыв незаконченный пол, и махнул ей рукой: можно.

– Как прошло?

Вола улыбнулась.

– Эта пигалица, Уильямс, чуть не доконала меня своими вопросами. Зато с марионетками у неё отлично получается: она их чувствует. Биа шлёт тебе привет. Говорит, заказала для тебя ту новую книгу о деревьях. Надо же, я-то была уверена, что на свете не осталось ни одной книжки о деревьях, которую бы ты не прочёл. А ещё знаешь что? Видела на дос-

ке объявлений: отдают щенков в хорошие руки. Помесь лабрадора и спаниеля. И я подумала...

У Питера перехватило дыхание. Он отвернулся.

– Нет. – *Пакс*, опять обожгло воспоминание. Он взялся за лопатку. – Мне надо работать.

– ...я подумала, когда ты переберёшься сюда, может, компания тебе и не помешает.

– Нет! – Питер сам удивился резкости своего тона.

Вола не настаивала.

– Ладно, значит, пока рановато. Я понимаю.

Питер сомневался, что она понимает. Да он и сам себя не понимал. Знал только одно: стоит представить, что у него опять может появиться питомец, – сразу становится трудно дышать.

Вола примирительно улыбнулась.

Питер кивнул и шлёпнул лопатку глиняного теста между двумя брёвнами. Теперь ему хотелось только, чтобы она ушла. Потому что он должен наказать себя за это воспоминание – немедленно, пока оно не успело пустить корни. Он с силой вмазывал глину в щель.

Улыбка Волы погасла.

– Я вчера тебе говорила: не запечатывай щели наглухо, не надо.

Питер прикусил щёку и набросил на стену ещё лопатку смеси.

– Это от холода.

– Так ты перекроешь себе воздух и свет.

Остриём лопатки он запихивал замазку глубже в щель.

– Люди гибнут без света и воздуха, мальчик, – сказала Вола уже тише.

– Я знаю, – не оборачиваясь, ответил он. – От холода они тоже гибнут.

Пакс кружил по ферме.

На прошлой неделе было уже тепло, но сегодня ночью опять подморозило – воздух почти искрился. Полная луна тянула лиса к себе. Однако притяжение Иглы было сильнее.

Когда в сумерках она шла в своё логово под крыльцом, её живот покачивался. Пакс слышал, как она вертелась в глубине, пытаясь устроиться, потом рыла, потом опять вертелась. Когда она задыхалась часто-часто, будто от натуги, он хотел сунуться в нору, но она зарычала. *Сюда нельзя. Будь близко.*

Поэтому он ходил и ходил кругами – охранял сарай и круглую лужайку перед крыльцом, которая уже щетинилась

свежей зеленыю. За несколько часов к его территории не приближался ни один нарушитель. Только сейчас впервые долетели подозрительные звуки, но он их сразу узнал.

Это была странная неловкая припрыжка Мелкого – брата Иглы, который, потеряв прошлой весной заднюю ногу, научился передвигаться на трёх. Причём сделался отличным охотником – видимо, зрение и слух стали острее, возмещая утраченную быстроту. Вот и теперь он выкатился из кустов с жирной перепёлкой в зубах, которую уложил на песок перед сараем.

Из-под крыльца донеслось непонятное шорканье.

Уши Мелкого встали торчком, он тут же нырнул в нору – Пакс не успел его предупредить. Послышалось сердитое шипение, и в следующую секунду Мелкий, поскуливая, уже вылетел назад. Он отполз в сторону и залёг на безопасном расстоянии, между корнями старого дуба.

Пакс потрусил к дубу вслед за Мелким и опустился рядом. Мелкий обвил нос хвостом и закрыл глаза, но Пакс бдел, не отводил взгляда от тёмного отверстия под крыльцом. Он не собирался туда соваться, пока Игла сама не позовёт, – ему уже приходилось испытывать на своей шкуре остроту её зубов, – однако сегодня ночью им владело неодолимое желание её защищать.

Когда небо на востоке начало светлеть, приплыл запах крови.

Пакс взвился, подлетел к крыльцу.

В утреннем прохладном воздухе висело горячее влажное облачко. В облачке была кровь, но она была не от раны и не от смерти. Эта кровь была от жизни – пульсирующей, новой. Пакс не мог больше ждать.

И он ринулся внутрь.

Игла вылизывала три тёмных гладких тельца, которые извивались и жались друг к дружке. Когда глаза привыкли, Пакс начал различать тонкие ножки, тянувшиеся из мехового клубка. Крохотные розовые лапки сжимались и разжимались, крохотные розовые носики тыкались во все стороны, крохотные розовые ушки трепетали от звуков новой жизни.

Игла мурлыкала. *Наши. Хорошо.*

Пакс лёг и обвился вокруг своей семьи. Три крохотных сердечка бились о его сердце. *Хорошо. Наши.*

– Я решил.

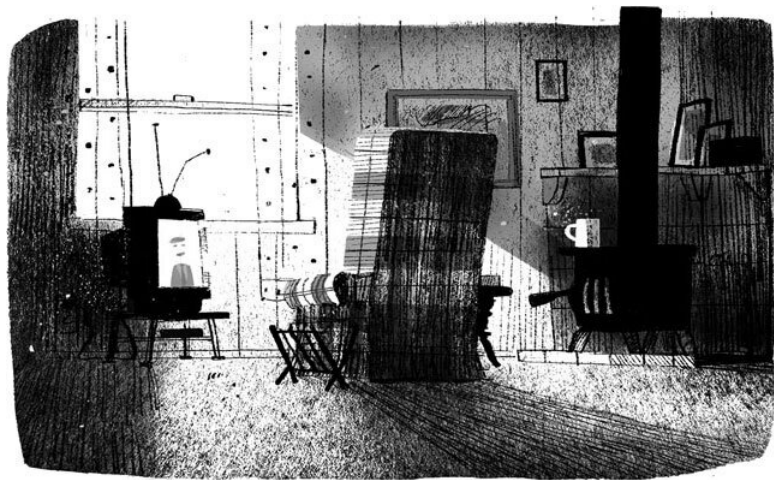
– Чего ты там решил? – буркнул дед, недовольно отрываясь от телевизора.

– Я забираю пепел.

Дед стрельнул глазами в сторону полки за железной печью. На полке стояла картонная коробка.

И четыре фотокарточки в рамках, они были на этой полке всегда, сколько Питер себя помнил. На первой – деду восемнадцать, он в военной форме, при полной экипировке, гордо стоит на крыльце дома, рядом прабабушка с прадедушкой, которых Питер никогда не видел. Вторая – свадебная: дед

женится на бабушке, её Питер видел когда-то, но не запомнил. На третьей счастливые молодые родители склонились над младенцем, это отец Питера. И на последней – сам Питер: малыш с оттопыренными ушами и в костюмчике, по бокам мама и папа, дед чуть в стороне. Питеру всегда казалось, что эти четыре карточки стоят тут специально для того, чтобы он пытался вообразить невообразимое: в жизни его деда когда-то была семья.

Дед прищурился – видимо, взвешивал, у кого больше прав на коробку с прахом. Кому должно отойти то, что осталось от человека? Отцу погибшего? Или сыну? Питер распрямил плечи.

Дед развернулся к нему, откинулся в своём потёртом кресле, скрестив ноги в ботинках. Отключил звук – теперь ведущий телешоу нелепо размахивал руками в тишине.

– Ну и? Что ты собрался с ним делать?

– Высыпать на мамину могилу. Они должны быть рядом.

Питер смотрел деду прямо в глаза. Обычно он этого избегал – потому что невольно сжимался, видя в дедовых глазах своё отражение.

Но сейчас он выдержал и даже постарался добавить взгляду твёрдости – ради мамы. В последнее время он чувствовал себя странно виноватым перед ней: как будто она чего-то хочет от него, а он никак не поймёт, чего именно. Да, наверное, этого она и хочет: чтобы он привёз ей этот пепел.

Дед скривил губы, словно собираясь спорить. Потом покосился на подлокотник своего кресла, ногтем большого пальца отскрёб от обивки какую-то присохшую корочку. И Питер понял, что победил.

– Ладно, стало быть, так, – произнёс дед. – Когда едешь?

– Как только школа закончится. В этом году всех распускают пораньше, чтобы школьники, кто хочет, могли тоже записаться в Воины...

– Угу, слышал я про этих уборщиков-чистильщиков. Воины Воды! Курам на смех. Будет всякий сброд шнырять по окрестностям, строить из себя солдат.

Питер так не думал. Они с Волой оба считали, что ровно это сейчас и нужно: направить всё, что есть у армии – си-

стему подготовки, технику, людей, – на ликвидацию последствий войны. И школьников привлечь – тоже хорошая идея: пусть Юные Воины помогают взрослым очищать воду. Но он закусил губу. Сейчас главное – забрать эту коробку.

Тяжко вздохнув, дед поднялся и подошёл к полке. Но вместо того, чтобы взять коробку с прахом, он вытащил из-под неё коричневый конверт.

– Вот, пришло. Тянули-тянули резину, разродились наконец.

Питер разглядел на конверте армейскую эмблему.

– А. Так они установили... – он запнулся, сглотнул, – обстоятельства?

– Установили, установили... Хочешь знать?

Питер уже собирался кивнуть, но что-то в дедовом лице его остановило. Отец не пал смертью храбрых в бою, это они уж поняли. Иначе не было бы этих шести долгих месяцев загадочного молчания. Попал под миномётный обстрел противника, находясь в сотне миль от своей базы, – вот всё, что им тогда сообщили. Но из-за того, что окончательного заключения до сих пор не было, казалось даже, что всё это не совсем по-настоящему. И хорошо, думал Питер, пусть бы так и оставалось.

– Нет. Не хочу.

– Да? А не помешало бы. Зарубил бы себе на носу, что отец твой погиб по глупости. – Дед подошёл и со злостью сунул конверт прямо Питеру в лицо. – На, смотри. Авось

хоть тебя это чему-нибудь научит.

Питер оттолкнул конверт.

– Мой отец погиб на войне. Всё.

Он уже сказал это всем в школе. Он уже даже привык это говорить. На войне люди гибли всегда. А подробности никому не нужны.

– Дело твоё, не хочешь – не читай. Но я тебе скажу кое-что, а ты мотай на ус: не заводи себе всяких там дружков-корешков!

– Я и не собираюсь.

– И не иди ни у кого на поводу, понял?

– Понял. – Питер шагнул к полке и взял коробку. Она была тяжелее, чем он думал, но всё равно лёгкая. Слишком лёгкая, чтобы вместить всё, что осталось от взрослого человека. Он сунул коробку под мышку и, прижимая её к себе, направился к двери.

– Мне пора обратно к Воле. Скоро стемнеет.

– Обожди.

Питер замер. Может, дед тоже хочет поехать – чтобы они вместе развеяли прах? Питер не против. С тех пор как он живёт у Воле, дед при каждой встрече смотрит на него так, будто вот-вот сплюнет. Может, в поездке у них получилось бы что-то исправить, узнать друг друга лучше. Если дед скажет, что поедет с ним, – хорошо, пускай.

Но дед сказал другое. Он подошёл и сунул что-то Питеру в рюкзак.

– И это заberi.

Конверт, не глядя понял Питер. Ладно, можно потом его выбросить, неважно. Он нажал дверную ручку. Но дед ещё не договорил.

– Так что вот. Не поддавайся ни на чьи уловки. Будь всегда начеку.

– Да. – Питер толкнул дверь, и его обожгло морозным воздухом. – Я всегда начеку.

Пакс вспрыгнул на большой валун у тропинки перед сараем и разжал пасть. Добытая мышь упала на камень. После ночной охоты лис устал, солнце пригревало, но отдыхать сейчас было некогда.

Его семья выбралась на утреннюю прогулку.

В тёплые дни Игла начала выносить щенков на песчаный пяточок перед норой. Конечно, это совсем рядом, полпрыжка – и в укрытии. Но Пакс знал, как неслышно пикируют ястребы и как внезапно выскакивают койоты. А отсюда, с этого своего наблюдательного поста, он заметит любую опасность – хоть с поля, хоть с неба.

Этим утром все запахи, витающие в весеннем воздухе, были дружеские и рассказывали о том, как потихоньку, мало-помалу возвращается на Зброшенную Ферму жизнь: жимолость ползёт на крышу сарая, клевер пробивается из-под земли, тесня тропинку с обеих сторон, ласточки и бурундуки гнезятся в амбаре.

Старая ферма оказалась хорошим домом. Широкая Долина, из которой они сюда перебрались, тоже была хороша. Но в долину пришли люди, больные войной, принесли огонь и разрушение. Эта Зброшенная Ферма и другие зброшенные фермы кругом – лучше: здесь нет людей. Совсем.

Пакс следил за детёнышами. Двигались они очень странно: натыкались друг на дружку, могли вдруг повалиться набок, а могли ни с того ни с сего подпрыгнуть на месте; но его к ним тянуло.

Он уже научился различать даже на расстоянии, кто из них кто.

Самый крупный, самец, переваливается, как медвежонок. Он храбро обходит дозором всю игровую площадку по кругу, потом так же храбро возвращается к матери.

Самый маленький, тоже самец, – осторожный и пугливый. От любого звука или промелька тени бросается под крыльцо.

А третья, самка, – стбит матери вынести её из логова, тут же убредает с песочной площадки на лужайку с молодой травой. Пушинка пушинкой, а идёт решительно – хвост кверху, уши нацелены вперед.

Сейчас Пакс проследил, как она выбралась из-под братьев, приникших к сосцам Иглы. Поморгала на солнце, понюхала воздух во всех направлениях, словно выбирая, за каким запахом идти, и двинулась по тропинке.

Игла поднялась,хватила дочь за шкуру и вернула на песочную площадку. Опять легла. И тут же – два серых комочка снова присосались к материнскому брюху, а третий, точнее третья, побрела обратно на тропинку.

Игла встала, откатив сыновей, и забрала дочь.

И в третий раз Пакс наблюдал за тем, как маленькая бродяжка выкарабкалась из меховой кучи и направилась по тропинке прочь от крыльца. На этот раз Игла не стала вставать. Она глянула на Пакса, и он понял.

Он спрыгнул со своего валуна, растянулся вдоль тропы и уже держал лапу наготове, чтобы подгрести к себе беглянку, когда она будет проходить мимо.

Два или три раза она останавливалась, изучала всё, что попадалось на пути – попались червяк, жёлудь и чьё-то оброненное пёрышко, – но спустя секунду поднимала нос от земли и неровными шажками продвигалась дальше по тропинке.

Дойдя до места, где поджидал Пакс, она остановилась, скинула голову и мгновение смотрела на отца. Затем вскарабкалась по его передней лапе и нырнула в белый меховой воротник на груди.

Пакс перекатился на спину, чтобы она не упала, и тогда

она опрокинулась прямо туда, где у него сердце, – словно отыскать это место было целью всей её жизни, – разметав четыре лапки и хвост во все стороны. И тут же уснула.

Пакс не двигался.

Такая серая пушинка на его груди, почти невесомая, но он лежал под ней распластанный, прижатый к земле, как будто его придавило тем большим валуном.

Он сделает для неё всё – всё, что ей будет нужно.

Увидев в окно, что Вола вышла из сарая и свернула на дорожку к хижине, Питер ещё раз оглядел пол. Сосновые доски, натёртые воском и трижды отполированные, сверкали.

Он распахнул дверь. Вечернее солнце ровным прямоугольником полилось на половицы, они зажглись густым медовым светом. От гордости Питеру стало тепло в груди.

Вола поднялась на шлакоблочную ступеньку и остановилась, держась рукой за косяк.

– Ну, наконец-то мне дозволено... – Когда она окинула взглядом завершённый пол, её глаза расширились. – О!

Вот и всё, что она сказала. Но это было такое «О!», кото-

рое дорогого стоит.

– Уже высохло. – Питер отступил в сторону. – Входи.

Она встала посреди хижины и начала медленно поворачиваться, рассматривая его работу. Как он и надеялся.

Потом опустилась на колени – что, даже с хорошим протезом, было ей трудновато, – поводила пальцами по стыкам и кивнула.

– Да. Ученик превзошёл учителя.

– То есть?..

– То есть ты всё-всё выверил, подрезал, подогнал торцы. Я бы, скорее всего, не заморачивалась, уложила бы доски да и готово... это просто пол. Но ты подбирал рисунок, я же вижу! И заглубил все гвозди, и заделал отверстия. Круто.

Питер отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Но, видимо, он отворачивался недостаточно быстро.

– Нет уж, такой работой можно и нужно гордиться. – Вола тоже улыбалась. – Это заслуженная гордость! У тебя будет отличный дом.

Улыбка Питера поблёкла.

– Это не мой дом.

Прежде чем ответить, Вола поднялась с пола, будто ей понадобилось стать выше.

– Этот дом – твой. Ты его построил. Ты думаешь, почему я доверила тебе всё полностью, ни разу даже не вмешалась?

Питер пожал плечами.

– Мне же надо всему учиться. И я сам просил, чтобы ты

не помогала.

– Верно. Но ещё я хотела, чтобы ты узнал свой дом. Узнал его руками, спиной, сердцем. И теперь ты в нём, а он – в тебе.

– Нет... или неважно. Сейчас, пока я живу у тебя, я могу тут спать и заниматься, но этот дом не мой. Здесь твоя земля. И всё на ней тоже твоё.

– Ах да, земля. Я всё равно хотела с тобой об этом поговорить. Можно и сейчас, почему нет?

Она дошла до временной полки с инструментами, которую он повесил к дальней стене, прислонилась к ней спиной.

– Питер, в твоей жизни было уже столько потерь. – Вола проговорила эти слова так, будто долго их репетировала. – Мне сейчас оформляют документы – дарственную на твоё имя на половину моего имущества. Я хочу, чтобы ты знал: где бы ты ни был, чем бы ни занимался, буду я жива или нет, это – твоё.

Питер сжался. Однажды зимой они с друзьями пошли играть на речку, катались там по льду, и его вынесло на самую середину, где лёд был тонкий. И дальше сразу тот ужасный миг: кругом вдруг чёрная ледяная вода и он запоздало понимает, что она вот-вот над ним сомкнётся. И точно так же сейчас: миг – и он уже охвачен паникой и страхом.

– Только имей в виду: тебе достанется та половина, которая ближе к дороге и к цивилизации. – Она с деланным огорчением покачала головой. – Не очень-то я изменилась за год,

да?

– Не хочу ничего этого.

– Я думаю о будущем, Питер. Тебе скоро четырнадцать. Когда-нибудь ты уедешь. Наверное, поступишь в университет. Может, потом и не вернёшься сюда, но если вернёшься... – Вола обвела комнату рукой. – Сейчас это просто маленькая хижинка. Но к ней можно пристроить кухню, спальню – вот тут, будет с видом на персиковые деревья. И кстати: мне самой, как ты знаешь, не нужно электричество и не нужна никакая хитрая сантехника, но ты-то можешь всем этим пользоваться, я не собираюсь тебе запрещать.

– Я не хочу.

Она хмыкнула.

– Ну и пожалуйста, живи без электричества. Пока, во всяком случае. А там видно будет.

Питер отвернулся от неё.

– Нет. Я вообще ничего этого не хочу. И этого дома тоже.

Он услышал, как Вола сделала шаг в его сторону.

– В этой стране каждый второй отдал бы правую руку за то, что у нас с тобой есть, – сказала она. – Ведь мало где теперь чистая вода бьёт прямо из-под земли. И вряд ли в скором времени что-то изменится.

– Мне всё равно.

– Послушай. Твои родители рады были бы знать, что у тебя есть дом, где ты всегда будешь в безопасности. Дом, который ты любишь.

Страх нарастал. У этого страха не было имени, но он катился, набирал силу.

– Я ничего здесь не люблю.

– Но это неправда, – тихо сказала Вола. – Я видела тебя в лесу, в саду. Ты любишь эту землю. Я видела, как...

– Нет!

– ...как ты работаешь с деревом. И как ты строил эту хижину. Я не слепая. Это была любовь.

– Нет. Нет! Я не люблю. Ни землю, ни лес, ни... – Он в отчаянии огляделся, и из каждого угла на него предательски смотрело всё то, что он делал собственными руками, от начала до конца, скользя по этому тонкому льду. Он схватил топорик и метнул в пол. Лезвие вонзилось в мерцающую идеально подогнанную половицу, из-под него отскочила щепка. – Ни всё вот это вот!

– Что случилось, ребёнок? Я что-то не так сказала? – Вола протянула к нему руки, но его безымянный страх вдруг обрёл имя.

Питер отшатнулся.

– Ты мне не мать!

Вола отдёрнула руки и обхватила себя за плечи.

– Я это знаю. Знаю. Я только хотела...

– Мне вообще никто не нужен, – сказал Питер, пытаюсь смягчить резкость своих слов. Но удар уже был нанесён.

Вола смотрела на него так, будто жалела его, а не себя. Видеть это было невыносимо, поэтому Питер отвернулся.

Вот так. Уходи, не оглядывайся.

Он слышал, как она вздохнула. Как выдернула топорик из раздробленной доски. И как потом положила его на полку – наверняка строго параллельно остальным инструментам, он тоже научился от неё класть всегда так. Слышал, как она дошла до порога, ступила на шлакоблок, закрыла за собой дверь.

И ни разу не оглянулся.

Но, когда звуки перестали доноситься, он подбежал к окну.

Вола удалялась по дорожке, она уходила от него, и спина у неё была очень прямая.

Питер согнулся пополам. Боль в груди была такая, что, кажется, он мог бы сейчас умереть.

Возвращаясь домой, Пакс петлял и иногда замедлял шаг – вдыхал запахи и звуки тёплой весенней ночи. Но на подходе к Зброшенной Ферме желание поскорее увидеть щенков стало нестерпимым, и последний участок леса под светлеющим небом он проскакал резвой рысью.

Когда впереди показалась крыша сарая, Пакс остановился. Вчера Игла расширила логово для подрастающего потомства, и сейчас свежий песок искрился на траве, как иней. В полях кругом всё было мирно, тихо. Но Пакс всё же прижался к земле и стал осматриваться.

Во время прогулок малыши теперь осмеливались отхо-

дить чуточку дальше от норы. А вечером Игла хочет отвести их к водохранилищу, им пора учиться лакать. Пакс тоже пойдёт: нужны оба родителя, чтобы на первой семейной вылазке щенки не расползлись кто куда.

Тут Пакс уловил какое-то движение перед крыльцом. Шерсть у него на загривке встала дыбом, но потом он увидел: нет, это не крадущийся охотник – всего лишь невесомый меховой шарик катится, мелко подскакивая, в сторону лужайки. Кто-то из детёнышей выбрался из логова.

А Игла не заметила, иначе бы пресекла.

Кто-то! Ясно кто – крохотная лиска. Она единственная из троих могла послушаться матери.

Ещё секунду Пакс наблюдал. Она прижала нос к земле и, следуя за запахом, направилась к задней части сарая. Оттуда она медленно, по шажочку, двинулась к разлапистому дереву ирги, потом свернула в разросшийся малинник, в самую его гущу.

Ровно этот же путь проделал Пакс несколько часов назад, отправляясь на охоту. Дочь шла по его следу.

Он позвал её.

Малышка мяукнула в ответ, закружилась на месте. И начала продвигаться к нему радостными кособокими прыжочками.

Пакс поспешил ей навстречу. Он накажет её за непослушание, потом отнесёт обратно в логово. Но, когда он уже подбегал к лужайке, откуда-то сверху неслышно скользну-

ли мускулистые крылья. Растопыренные когти прорезали утренний полумрак над крохотным щенком.

Пакс прыгнул. Он вцепился в густо оперённую голень, когда рогатая сова уже взлетала с серым комочком в когтях.

Сова клюнула Пакса в нос, но лис не разжал клыков.

Мощные крылья били, волокли его по земле. Пакс, изогнувшись, подкинул задние лапы, с силой проскрёб когтями свиное брюхо, но хищник крепко держал добычу.

Тогда Пакс вгрызся глубже, полая кость под его зубами хрустнула. Он ещё сильнее сцепил челюсти, резко дёрнул вбок. Сова вскрикнула и раскрыла когти.

Серый комочек выпал, сова, хлопая крыльями, улетела.

Пакс подскочил, со всех сторон осмотрел дочь. Кроме двойных проколов от когтей на плечах – никаких повреждений, но её трясло.

Он зализал её раны, обвился вокруг неё, позволил втиснуться в свой белый густой воротник, но она дрожала от страха, а её сердечко часто-часто колотилось.

Сердце Пакса тоже билось часто и сильно, только его страх был другой.

Не забывай: смотреть надо во все стороны, наверх тоже. Опасность сверху бывает беззвучной.

Но советы – недостаточно надёжная защита для неё. А надёжной защиты нет и никогда не будет.

– Так мы тренируемся или нет?

Питер виновато вскочил.

– Да, прости. – Ну вот, опять. У Волы он никогда не спит по телевизору, но, оказываясь у Бена в гостиной, всякий раз будто отключается. Сидит с разинутым ртом и тарашит в экран, пока Бен не хлопнет его по плечу и не напомнит, зачем они вообще-то здесь.

Он взял свою перчатку и поспешил на улицу, за Беном.

А пятилетняя Астрид, Бенова сестра, – за ними. Как всегда. Эхо – так Питер её про себя называл. Не только потому, что она постоянно повторяла всё, что делал или говорил её

брат, и вообще была ужасно на него похожа – те же соломенные волосы, и веснушки, и решительный вид. Но ещё она была какая-то немножко рассеянная: будто она на самом деле не тут, а неизвестно где. И будто ей вся вот эта жизнь без разницы – кроме, конечно, Бена, которого она обожала.

Бен усадил её на ступеньку крыльца и положил рядом кулёк с семечками подсолнечника.

– Посторожи. И сиди тут, вниз не спускайся. Мы будем очень сильно бросать, поняла?

– Очень сильно бросать, поняла, – отозвалась она.

Питер стянул с себя свитер. Неделю назад весна наконец-то взялась за дело, и теперь погода установилась уже вполне бейсбольная. Подъездная дорожка была каменистая – то что надо, как раз для отработки низких мячей. Они посылали друг другу мячи над самой землёй – и чаще всего ловили, даже жутко кручёные. Питеру нравилось играть с человеком, который, как и он сам, влюблён в бейсбол и умеет следить за мячом так же сосредоточенно. Иногда, если какой-нибудь особенно сложный мяч взять всё же не удавалось, они начинали друг друга подкалывать: «Бен-с – и готово!» или «Ай, чуток недопитерил!» – и это тоже было классно: за год все их шуточки стали привычной частью игры.

Но потом один зверски закрученный мяч отскочил вбок и, отрикошетив от угла дома, улетел в кусты. Бен побежал за мячом и, возвращаясь, крикнул:

– Вествиль офигеет летом от такой игры, скажи?

Питер снял перчатку-ловушку и сделал вид, будто подтягивает на ней шнуровку.

– Я не играю этим летом.

– В смысле?.. Я не понял.

Питер подобрал свой мяч и вложил в перчатку. Всё равно после того, что он сейчас скажет, тренировки уже не будет. Но вчера вечером он решил окончательно.

– У Воинов Воды новый набор. Я записываюсь.

Бен рассмеялся.

– Да ладно, у нас тут всё нормально с водой! Воины к нам не придут. Давай надевай перчатку, играем дальше! – Он побежал обратно на свою позицию.

– Нет. Послушай. Я знаю, что они сюда не придут. Я сам к ним еду. В эту субботу.

Бен обернулся. Встал, уперев кулак в бок.

– В субботу. И куда?

– Туда, где я жил раньше.

Он понял это вчера вечером, когда узнал, что Воины Воды собираются работать в окрестностях его города. Зачем ему Волин дом, если у него есть свой? Он запишется, пройдёт вместе с Воинами сколько-то вниз по реке, а потом свернёт – там до его дома будет уже рукой подать.

– Миль сто отсюда?

– Триста.

– И Вола тебя отпускает?

Питер пожал плечами.

– Отпустит. Скажу ей вечером.

Бен отвернулся и принялся набрасывать мяч на крышу гаража.

Питер понимал. Бейсбол, с его подачами и приёмами, – это был их общий язык, на нём они запросто могли договориться о следующем броске, могли вообще говорить о чём угодно, даже о самых трудных вещах, – при этом не произнося ни слова и не отрывая глаз от мяча. Сейчас Бен говорил ему: *Угу. Теперь мне надо побыть наедине с тем, что я услышал.*

Внезапно Питер понял, что он так не хочет. Бен был с ним рядом с самого первого дня, с той минуты, когда Питер, весь напряжённый, вошёл в школу, новичок среди чужих. Одинокий новичок среди чужих – этим летом он расстался с Паксом.

– Ты тоже можешь поехать, – не раздумывая, сказал он. – Будем спать с тобой в одной палатке. Говорят, они там учат работать на экскаваторе и много чему ещё. Грести на каноэ, брать пробы воды...

– Я не могу.

– Да с чего ты взял, что не можешь? Тебе же уже есть двенадцать. Надо только разрешение от родителей, и...

– Нет. Я *сам* не могу. – Бен кивнул на крыльцо, где его сестра вытряхивала семечки из кулька себе на голову. – *Иза её операции*, – договорил он одними губами.

Астрид спрыгнула со ступеньки и подбежала к ним, буд-

то поняла, что о ней говорят. Бен отбросил мяч, притянул к себе сестрёнку и начал вытаскивать семечки из её волос.

Питер отступил на шаг.

– А-а... Думаешь, она может...

– *Нет.* – Бен сильнее прижал сестру к себе. – Всё у неё будет отлично. Просто без меня она там может заботиться.

– Я там могу заботиться, – повторила Астрид. Но она улыбалась – Питер это видел. А боялся сам Бен, а не она.

И тут Питера поразила одна мысль, от которой он даже вздрогнул. Он – свободен! Да, он потерял всех, кого любил в жизни, – маму, отца, своего лиса. Но теперь, когда он потерял всех и всё, больше ему уже нечего терять.

А ему всего тринадцать. А жизнь уже не причинит ему боль.

Питеру захотелось предостеречь друга.

– Ты поосторожнее, – сказал он.

Бен поднял голову.

– В смысле?..

Питер заметил, как Бен придерживает волосы Астрид у корней, чтобы ей было не больно, когда он вытягивает семечки. Да, пожалуй, Бену уже поздно осторожничать.

Зато ему – не поздно.

– Ты прав, нету смысла. – Он опустил ниже козырёк бейсболки и побежал к своему велосипеду. – Пока! – крикнул он, вскакивая в седло и ускоряясь на подъездной дорожке.

– Эй, – позвал Бен. – Подожди! Может, я и смогу поехать,

если успею вовремя вернуться...

– Да ладно. Мне и без компании нормально.

Вот так. Уходи, не оглядывайся.

На обратном пути он жал на педали и думал о том, что чуть не пересёк сегодня опасную черту. Вот уж друг ему совершенно не нужен в этой поездке. Или даже так: друг ему совершенно не нужен, точка.

На столе лежала газета с картой на развороте.

– Воины Воды сейчас стоят здесь, – говорила Вола. – Это водохранилище. От твоего бывшего дома – миль пятьдесят вверх по реке.

Питер кивал, но молчал. Хотя он и сказал Бену, что Вола отпустит, хотя он сам наговорил ей вчера обидных слов, он удивился, когда, выслушав его, она не стала спорить. И весь день была сдержанна и заботлива. Единственное, что она сказала: «Это далеко. Но я понимаю».

Сейчас она вела пальцем вдоль маршрута на карте.

– Они будут идти вниз по течению. Скоро закончат свою работу на водохранилище – думаю, где-то через неделю – и двинутся дальше на юг.

Её палец остановился там, где река разливалась широко, – у бывшей верёвочной фабрики. Это было то место, где прошлой весной Питер снова нашёл Пакса. Брошенного им Пакса. И там же отпустил его навсегда. И там же отец помогал устанавливать взрывчатку, от которой взлетела на воздух и погибла река, а тому маленькому лису оторвало заднюю но-

гу. Место, где он в последний раз видел своего отца. И своего Пакса.

Ему будет нелегко там находиться, но зато целый месяц он будет сам себе хозяин. А потом вернётся в свой старый дом. И там наконец он почувствует себя в безопасности и во всём разберётся. И отнесёт отцовский пепел на могилу – сделает то, чего мама от него ждёт.

– Вся эта территория сейчас заражена, – говорила Вола. – Но ты ведь сумеешь соорудить солнечный дистиллятор. И знаешь, когда в воду надо капать йод...

Ещё бы он не знал: безопасность водопользования – теперь обязательный предмет во всех школах страны. Да и сами Воины Воды прекрасно во всём этом разбираются. Но он понимал, что Вола говорит всё это для собственного спокойствия, и не прерывал.

– Даже в самой глухой глухомани – не думай, что воду можно пить просто так. Загрязнители могли попасть в водоносный слой. Если ты видишь пруд и вода в нём кристально чистая – это тоже предупреждающий знак.

– Знаю. Она чистая, потому что в ней нет никакой жизни.

– Вот именно. Пишут, что в этом году ни один из видов, живущих на всей этой территории, – она обвела карту рукой, – не вывел потомства. Из-за отравленной воды детёныши просто не выживают.

Питер опять позволил себе представить Пакса – значит,

сегодня вечером он должен будет трижды пройти своё наказание. Ладно, он привык. Теперь это уже не так больно, как было в начале.

– Может, Пакс и живёт там до сих пор. Но он не детёныш. Ему сейчас шесть лет.

– Мальчик, я беспокоюсь не за твоего лиса. А за тебя. Детёныши всех видов – это значит, и человеческие тоже. Вот что надо помнить.

– Я помню. Я буду осторожен. – Он встал и сложил газету.

– Да, и ещё. Здесь, если тебе что-то надо, ты это получишь, можешь на это рассчитывать. Там – неизвестно. Наполняй свою чашу всегда, когда возможно.

Когда луна поднялась высоко, Пакс с Иглой повели щенков к водохранилищу.

Шли долго. Два маленьких лиса упорно останавливались и изучали всё новое, что встречалось, а встречалось им много чего: интересно пахнувший кожаный ботинок; хрустящие стручки молочая – если их разодрать, из них выплывают лёгкие звёздочки; скусова капуста, у которой вкус ещё противнее запаха; и везде, везде их ждали поразительные открытия.

Тот, что помельче, полез за жуком в заросли кошачьего шиповника. Пока Пакс с Иглой выпутывали его из клубка лиан и колючек, тот, что покрупнее, углядел ковылявшего

мимо скунса и покатился за ним – Пакс, заметив, взвился в прыжке, еле успел выхватить глупыша из опасной зоны.

Одна только дочь не доставляла родителям никаких хлопот. Она не отлучалась от Пакса, а если отлучалась, то лишь затем, чтобы понюхать или попробовать то, что он сам ей велел понюхать или попробовать. Быстро справившись с заданием, она ныряла обратно под колыхание белого воротника на его груди и так и шла меж его передних лап, отчего он то и дело оступался и их продвижение вперёд ещё сильнее замедлялось. А всякий раз, когда он пытался носом вытолкнуть её из-под себя – *иди рядом*, – она испуганно вскидывала на него мордочку и тут же сама начинала оступаться.

Мир всегда полон – он полон удовольствий и опасностей. Пакс понимал, что они с Иглой должны научить своих щенков всему, что им понадобится в жизни. *Да, смотри на меня*, соглашался он с дочерью. *Но смотри и кругом*.

Он показал ей бледно-зелёную бабочку размером с лискину голову – бабочка трепетала крылышками на белой и тонкой, как бумага, берёзовой коре. Показал низинку, где столько ежевики, что когда лиска придёт сюда летом полакомиться, то выпачкает всю шубку. И старый сад, где она, может быть, захочет подремать на солнышке тёплой осенью, а кругом яблоки будут падать в траву. *Смотри, всюду щедрость и изобилие*.

Наконец они дошли до ограды водохранилища. Здесь Пакс подобрался, насторожился. Сетчатый забор напоминал

проволочные стенки его бывшей загородки, но дело было не в этом. Сейчас его больше беспокоило само водохранилище.

Его громадность озадачивала: вдоль него можно было бежать и бежать и видеть одну только воду. И Пакс никогда прежде не встречал водоёма, у которого не было бы *того* берега. А по этому берегу тянулись бы то непонятные длинные строения, то стена – вода гулко шлёпала о бетон, будто сердилась.

Но самое странное, что здесь ничем не пахло. За год, проведённый на свободе, Пакс узнал, что вода всегда пахнет жизнью, которую она обтекает. Водостоки пахнут небом и листвой, которая в них нападала. Реки – мхом и серебристой форелью. Родники – корнями. Но эта вода не обтекала никакую жизнь: ни медленную рыбу в глубине, ни суетливого краба на мелководье, ни сидящего в иле моллюска. Только стебли мёртвого прибрежного тростника.

Пакс подождал Иглу с сыновьями, потом они все по очереди пробрались под проволочной сеткой – с того края, где угол был немного отогнут. И начали спускаться к воде.

Игла вдруг тревожно зарычала. Пакс лёг, прижался к земле и велел остальным сделать то же.

Он крался и смотрел, пока не увидел.

Вдалеке, между бетонной стеной и длинным строением, на берегу светились какие-то огни. *Ждите. Я проверю.*

Маленькая лиска заскулила, когда он уходил, но он снова приказал ей ждать и молчать, и она свернулась колечком ря-

дом с матерью.

Пакс двинулся по дуге, держась с подветренной стороны. Скоро до него доплыл запах древесного дыма и донеслись человеческие голоса.

В отличие от Иглы, Пакс не боялся людей. Он жил с мальчиком, он любил этого мальчика, он хорошо знал, как живут люди, – раньше их привычки были и его привычками. Он подполз ближе и стал наблюдать сквозь кусты.

Люди сидели у костра. Среди них были женщины и даже дети, но все они были одеты как больные войной – Пакс помнил эту одежду по прошлому году. Подъехал большой грузовик, его Пакс тоже узнал: он был глухо-оливкового цвета и вонял маслом и палёным металлом.

Тихо выбравшись из кустов, Пакс вернулся туда, где его ждала семья.

Пришли люди, больные войной. Больше ничего объяснять не понадобилось, остальное Пакс и его подруга знали и так: там, где появляются больные войной, земля может без предупреждения взлететь на воздух, а воздух – расколоться и посыпаться с неба. Лисы могут потерять ногу. Лисы могут потерять жизнь.

Теперь им опасно оставаться на Заброшенной Ферме.

Игла обернулась взглянуть на щенков. *Мы должны уведомить их отсюда.*

Пакс тоже это понимал. Игла не может оставить детей – значит, искать новый дом для всех них пойдёт он. *Но не се-*

годня. Сегодня мы учим их лакать.

Выбрав безопасное место, где спуск был пологий, а вода тихая, Игла и Пакс съехали по гравию и показали, как надо лакать языком.

Щенки поскакали вниз, к родителям. Они по очереди потрогали лапками воду и испугались её неожиданной текучести. Потом осмелели, стали запрыгивать в неё и выпрыгивать обратно, толкаться, плескаться у кромки.

Игла с Паксом отошли в сторону и наблюдали. Игла насторожённо поглядывала на дальнюю часть берега, где были люди. Пакс смотрел на щенков.

Они уже заметно изменились. Их серые шубки с каждым днём рыжели, на кончиках хвостов и на щеках появлялись новые белые пятнышки. Ноги потемнели и удлинились. Да и сил у малышей явно прибавилось – играя, они легко друг дружку опрокидывали.

Наконец щенки успокоились и стали учиться лакать.

После долгого пути их мучила жажда, они радовались, что у них получается, – и лакали, и лакали, и лакали.

– Он не придет.

– Придет, – ответила Вола, спокойно раскатывая тесто для печенья.

– Ни разу ещё не приезжал.

– Значит, сегодня будет первый раз. Его единственный внук завтра уезжает на целый месяц. Порежь мне вон ту морковку! И давай-ка накрывай на стол. *На троих.*

Питер переложил морковь на разделочную доску.

– С чего ты так уверена, что он примет твоё приглашение?

Вола присыпала раскатанное тесто мукой.

– А я его и не приглашала! Просто *проинформировала*,

что ужин в шесть тридцать.

Ещё хуже, подумал Питер, а вслух сказал:

– Он не любит, когда ему указывают, что делать.

Вола пожала плечами и принялась вырезать стаканом кружочки.

– Ну, может, он и сердится, что ты решил жить здесь, а не у него. Но всё равно, ты же его единственный внук, его семья – так? А завтра ты уезжаешь. Значит, он придет.

Питер тоже на это надеялся – иначе получится, что она зря хлопотала целый день. В печи запекалась утка, начинённая орехами и зелёным луком. Вчера Вола выкопала в огороде последнюю картошку и собрала первый горошек. С утра пораньше она погнала Питера к ручью – за кресс-салатом, а когда он вернулся, она уже сажала в печь пирог с персиками.

Сейчас пирог отдыхал на подоконнике. Его благоухание дразнило Питера весь день: даже когда он наверху, на крыше своей хижины, прибивал последние дранки, персиковый аромат плыл над дорожкой, струился – и чуть ли не манил его тонкими пальцами, как рисуют в мультиках.

Интересно, подумал он, а Вола помнит, что, когда он пришёл к ней год назад, голодный и со сломанной ногой, она накормила его персиками? Он умял тогда целую банку. А вечером в тот же день она ему рассказала, как в детстве выбиралась тайком ночью в сад, укладывала горку персиков себе на живот и ела их при луне.

Прошлым летом, когда созрели персики, он тоже в пол-

ночь выскользнул в сад. Луны не было, зато горели светлячки, видимо-невидимо, и он ел и ел спелые персики и был уже весь липкий от сока.

В ту ночь, впервые после расставания с Паксом, он дал волю слезам – всё равно их не видно, когда ночь и всё лицо в соке. В дом он вернулся на цыпочках. Вола не спала. Кажется, она поняла, что он плакал. Но ни о чём не спросила.

Теперь этот персиковый аромат его убивал: слишком много говорил он о доме, который Питер собирался покинуть. И о хозяйке дома, которую он обидел за то, что она предложила ему остаться навсегда. И он отвернулся от пирога.

– Не приедет, – сказал он снова. – Придётся самим ехать к нему завтра утром, чтобы он подписал разрешение.

– Приедет. – Вола задвинула противень в печь и плотно закрыла дверцу, будто обозначила: всё, конец дискуссии.

И она оказалась права. Спустя всего пятнадцать минут Питер услышал, как к дому подкатил старенький дедов шевроле и, чихнув и скрипнув, встал рядом с Волиным грузовичком. Питер подскочил к окну – убедиться. Потом окинул взглядом комнату.

В камине горел огонь, все масляные лампы тоже горели, отчего полировка мебели будто светилась золотом. Пол свеженатёрт воском, стол вычищен до блеска и уставлен Волиным праздничным фарфором, в жёлтом кувшине на каминной полке – целая охапка нарциссов. За окном в сумерках голубеют холмы.

Он открыл дверь и, стоя на пороге, наблюдал, как дед картинно распрямляет спину, будто сидел за рулём скрючившись. А потом начинает озираться. Питер с невольной гордостью представил, каково видеть всё это впервые. Вот бело-розовое цветение сада, вот зелёные аккуратные грядки на фоне красноватой земли. И дальше, за крепким сараем, – его

собственная новая хижина.

Пока дед шёл по каменной дорожке к дому, Питер разглядел, что волосы у него аккуратно зачёсаны назад, а лицо розовое и гладкое – значит, заезжал после работы домой, чтобы принять душ и побриться.

– Ты приехал, – сказал Питер, хотя говорить это было глупо. – Я рад.

– Ненадолго, мне засиживаться недосуг, – проворчал дед. – Некоторые, знаешь ли, по утрам привыкли вставать на работу.

Он остановился на гранитной плите-ступеньке и заглянул в дверь с таким же удивлением, с каким смотрел и сам Питер, стоя перед этим порогом впервые год назад, – как будто ожидал, что внутри всё окажется в точности как снаружи, грубовато и примитивно.

– Входите-входите! – крикнула Вола из кухни. – Вы голодны, надеюсь?

Вот в этом Питер не сомневался. Войдя после работы домой, дед всегда в первую же минуту вскрывал пакет с чипсами и пиво, а уже потом подогревал себе какие-нибудь консервы на ужин. А у Волы в доме витали сегодня ресторанные ароматы.

Она сразу поставила на стол горячее и наложила им на тарелки столько, что подлива чуть не стекала с краёв. Пока дед ел, хозяйка вела светскую беседу – о погоде, о том, какие хорошие у Питера оценки в школе и как он организовал с

друзьями бейсбольную команду. Дед кивал и жевал.

Вола разложила добавку – ещё по полной порции всего – и сказала:

– Стало быть, завтра.

Питер отодвинул вилку.

– Я его отвезу, – продолжала она. – Ваш внук заставил меня купить этот грузовик, вот как раз и пригодится. До водохранилища в Ландсбурге доедем, а дальше уж Питер будет двигаться вместе со своим взводом.

– Взводы у них, надо же! Тоже мне, воины. – Дед пренебрежительно отмахнулся. – Будто у них есть право так себя называть!

– А почему нет? – мягко спросила Вола.

– Я служил. Мой отец служил. Отец этого мальчика тоже служил. Настоящие воины – это... – Он потряс в воздухе сжатыми кулаками.

– Вола тоже служила, – сказал Питер.

Дед покосился вниз, на её ногу.

– Ну... – Он слегка сбавил тон. – Значит, поймёт, про что я. Воины – это... Это сила. А не какая-нибудь там кучка уборщиков-чистильщиков.

– А я думаю по-другому. – Вола проговорила это спокойным голосом. Ни вызова, ни осуждения в адрес того, кто видит всё иначе – не так, как она.

Питер в ней это ценил. Когда можно смотреть на одно и то же по-разному и не враждовать, это снимает напряжение.

Однако в животе у него всё напряжилось, как не было уже год.

Вола взяла кувшин с сидром, наполнила бокалы, но не поставила кувшин на стол, а держала в руках.

– Это подарок, – сказала она, и Питер расслабился: кажется, они сворачивают с опасной темы. – Работа одного здешнего мастера. Я поделилась с ним дровами – у него все вышли, – а он дал мне этот кувшин. Это наша местная глина.

Дед Питера одобрительно крякнул.

– И вот я думаю, – продолжала Вола, – сколько лет ему понадобилось, чтобы научиться гончарному делу? И сколько часов ушло на создание этого кувшина? И сколько раз им пользовались, чтобы наполнить чаши?

Дед наклонился над своей тарелкой, Питер тоже взял вилку. Но Вола ещё не закончила.

– А теперь представьте: я швыряю этот кувшин о стену. Мне, конечно, придётся приложить силу, это да. Но разбить и сломать может каждый. Та сила, которую я уважаю, – в создании нового. – Она поставила кувшин на стол. Повернулась к Питеру и подняла свой бокал. – А ещё больше я уважаю тех, кто берётся возродить старое.

Дед Питера перестал жевать. Помолчав, он нехотя кивнул.

– Кстати, – добавила Вола очень миролюбиво, – Питер будет осваивать там полезные навыки. Вы же знаете, теперь любовью трубоукладчик – кум королю, а копатель колодцев – сам король. И в ближайшие годы так оно, видно, и останется.

– Ну, научиться какому-никакому ремеслу никогда не лишне, – примирительно пробормотал дед. Разворачивая салфетку, он нечаянно столкнул на пол ложку.

Питер откинулся на стуле и протянул руку к серванту за спиной. Не оборачиваясь, вытащил из ящика чистую ложку и положил рядом с дедовой тарелкой.

Дед взял ложку, но вид у него был такой, словно его ударили. И Питер вдруг увидел всю сцену глазами деда: в этом доме его внук чувствует себя так спокойно, что достаёт ложки из ящиков не глядя.

Это не мой дом! – хотелось крикнуть Питеру.

Вместо этого он сказал:

– Нужно, чтобы кто-нибудь из членов семьи подписал разрешение для лагеря. Ты – моя семья.

Это сработало. Питер увидел, как дедово лицо разгладилось от облегчения и, может быть, чуточку от гордости. Он обхлопал карманы, достал ручку, придвинул к себе напечатанное разрешение и поставил внизу подпись с росчерком в конце.

Потом все переместились вместе с персиковым пирогом на веранду, и Питер зажёл фонари. Пока они ели пирог, закинув ноги на перила и глядя, как тонкий месяц выплывает из-за холма, дед разговорился. Он рассказывал Питеру об опасностях, с которыми сам когда-то сталкивался на службе, и предупреждал об ошибках, которых следует избегать, – и это было так, будто бы он заботился о Питере, и это было

удивительно.

Питер подозревал, что дедовские советы вряд ли ему реально чем-то помогут, но не прерывал его, а продолжал удивляться – потому что дед, его родной дедушка, вёл себя... да, вот именно, как дедушка.

– Береги себя, парень, – закончил дед. Потом встал, поблагодарил Волу за ужин и пожал Питеру руку.

Когда они помахали вслед его шевроле, Вола сказала:

– Ну вот, теперь он будет чаще сюда заглядывать.

Питер молча собрал со стола пустые тарелки, сверху поставил блюдо с недоеденным пирогом и отнёс на кухню.

Вола вошла вслед за ним.

– Знаешь, Питер, он стареет. Когда-нибудь, если ты захочешь... – Она посмотрела в окно, в сторону его хижины, сада, земли за садом.

– Нет. – Питер вдруг понял, что она сейчас скажет. Что настанет время, когда его деду нужна будет помощь. И что Питер сможет тогда забрать его к себе и построить здесь жильё и для него тоже – место есть.

Он знал, что будет, если она это скажет. Он начнёт воображать, будто ему здесь надёжно и спокойно, будто у него есть семья. И он расслабится, его бдительность притупится.

Но нет, он не собирается расслабляться.

Он внезапно понял, что всё здесь – Вола, хижина, которую он для себя построил, город, к которому он начинает привыкать, его дед, Бен, все остальные – всё это вместе для

него слишком опасно.

Ещё месяц назад он бы не знал, что с этим делать. Сейчас – решение очевидно. Он просто не вернётся сюда.

А переедет после лагеря в свой старый дом. И будет жить там один. Вот там ему будет безопасно. А сюда – не вернётся.

Он вышел на веранду и забрал свой спальный мешок.

На кухне Вола убирала остатки ужина.

– Посплю сегодня у себя, – сказал он.

Вола кивнула, будто ждала этого. И протянула ему кусок пирога, завёрнутый в вощённую бумагу.

– Это если вдруг проснёшься среди ночи от голода.

Проходя мимо сарая, Питер зашвырнул пирог подальше в бурьян.

Пора.

Пакс потянулся, блики вечернего солнца пробежали по шерстинкам. Ветер южный; он поможет передвигаться скрытно и предупредит об опасностях. И хорошо, что нет луны: под покровом темноты спокойнее. Вчера ночью Пакс добыл двух уток, они в тайнике, а в поле ещё осталась картошка, а в амбаре живут жирные мыши, так что Игла и щенки голодать не будут.

Он обновил свои метки, чтобы в его отсутствие никому не вздумалось посягать на его территорию, потом направился в логово. Щенки не спали – кормились. Они уже так вырос-

ли, что Игле пришлось вытянуться поперёк норы, чтобы все трое поместились. И к тому же, понимал Пакс, скоро они насытятся и начнут рваться наружу – так ей легче будет за ними уследить, чтобы они не разбежались и не попали в беду.

Пакс прижался щекой к щеке Иглы. *Ухожу сейчас.*

Он толкнул носом каждого из щенков, пообещал, что вернётся, и велел слушаться матери. Все трое подняли молочные носы, чтобы коснуться отцовской щеки. Потом сыновья продолжили кормиться.

А маленькая лиска, извиваясь, выползла из-под братьев и стала пробираться к выходу – за отцом.

Нет, оставайся. Я вернусь. Пакс ушёл, но на углу сарая он всё же оглянулся. Дочь стояла перед крыльцом, щурясь на солнце. Её шубка – ярче, чем у двух других щенков, почти такая же яркая, как у матери, – вспыхивала в закатных лучах. Лиска выставила уши торчком и побежала к отцу.

Пакс вернулся, ухватил её за загривок, отнёс в логово. Игла прижала дочь лапой к животу и, когда он снова уходил, держала крепко.

На этот раз он не оглядывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.